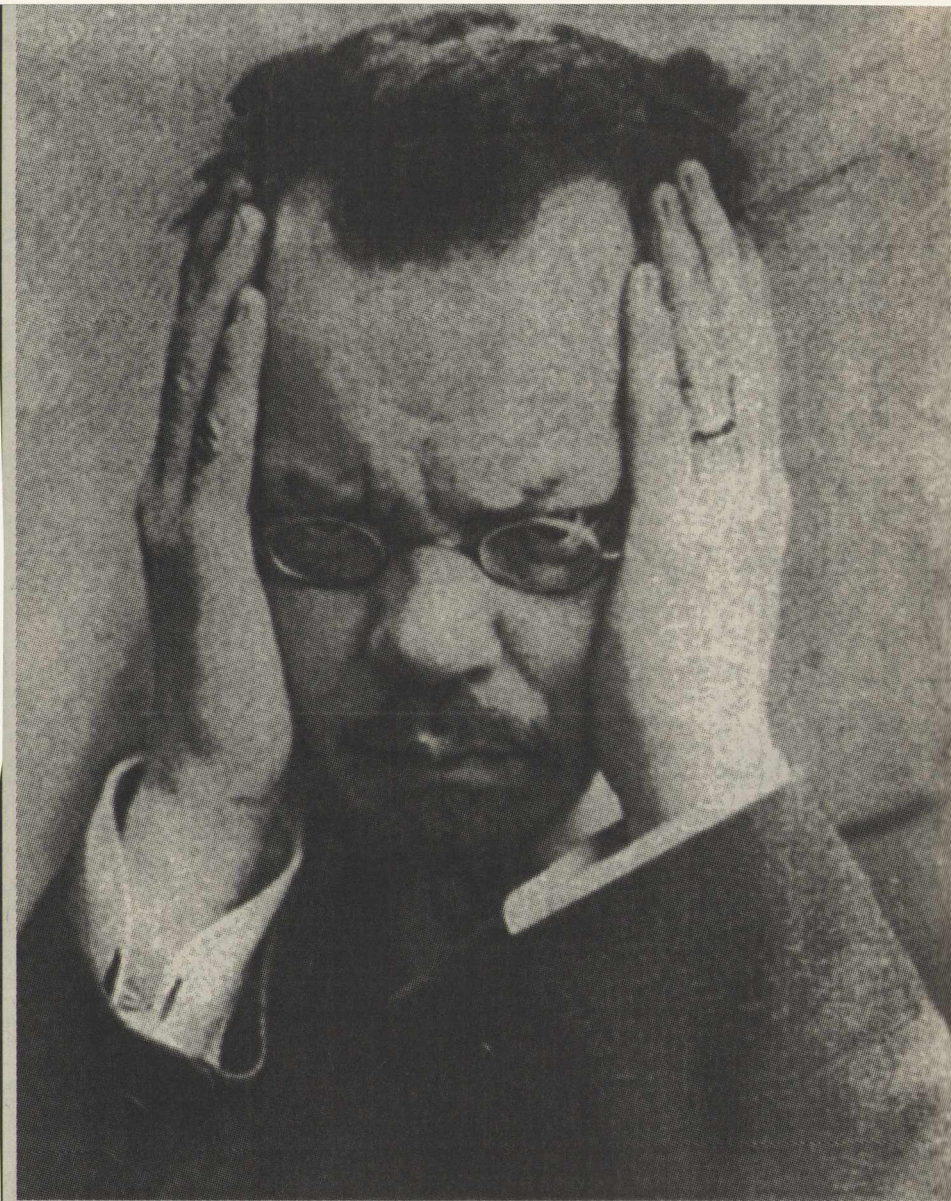

Ремизов Алексей Михайлович 8.07.02
(125 лет со дня рожде.)

Алексей Ремизов. 1910-е годы. Фотография В. Шабельского, РНБ

ЧУДНОЙ ПИСАТЕЛЬ

125 лет со дня рождения
Алексея Ремизова

ИЛЬЯ УРЖУМОВ

Газета. — 2002. — 8 июля. — с. 11

«Дверь медленно приотворилась, и в нее тоже медленно, точно боясь наступить на что-то хрупкое, не вошел, а втиснулся невысокий человек. Он сутулился, втягивая голову в широкие плечи, на которых висел толстый байковый шарф. Из-под круглых очков темные глаза смотрели на меня сбоку, но пристально. На широком, скуластом, азиатском лице ползла не улыбка, только усмешка, приподымавшая углы плотно сжатого, не по росту большого рта». Так описала свою первую встречу и первое впечатление от Алексея Михайловича Ремизова Ариадна Тыркова-Вильямс. Маленький, сгорбленный, курносый, «с огромным лбом и торчащими во все стороны вихрами», похожий на «чертяку», кричущийся, «вкрадчивый», как будто робкий, но и насмешливый, как будто жалкий, но и сам склонный подшутить, разыграть, мистифицировать — Ремизов одна из самых странных и необычных фигур литературы начала XX века. Его «непростота», «орнаментальность», его чуткость к прихотливому слову, к живому русскому языку вовсе не случайно отзывались даже на письме, выразились в рукописном жесте. Ремизов был признанным каллиграфом, на удивление тонко чувствующим сам дух древних рукописей. Недаром он сам в совершенстве владел древним письмом. Писал «уставом» и «полууставом», копировал и стилизовал древнерусские грамоты.

Он обладал совершенно особенным даром, особенным чутьем древности. Он как будто изнутри, на вкус, на язык знал русскую сказку («Сказочный дар дается с колыбели», — писал он в одном из писем. Так и есть). «Чувствовал» русскую повесть XVII века настолько, что ремизовская стилизация «пахла» оригиналом (как блистательный «Савва Грудцын», например). XVII век — вообще «ремизовское время». В нем не было ни грана ортодоксальной елейности. Недаром его так тянуло к апокрифам, к устной, колдовской, языческой стихии. «Не-

чистоты», озорства (вплоть до неприкрытого неприличия) у Ремизова было в избытке. И даже в быту он умудрялся окружать себя «дивами дивными». «Квартира их (Ремизовых), — вспоминал Мстислав Добужинский, — была полна всевозможной курьезной чепухи, висели припиленные к обоям разные сушеные корни и «игры природы», вербные чертики и пр. Ремизов собирал и берег и всякие пустячки, которые ему что-нибудь напоминали... В советское же время его квартира (тогда на Васильевском) превратилась уже совсем в колдовское гнездо, разный чудовищный вздор был развешан на веревках, и стены были самим Ремизовым расписаны по обоям чертями и кикиморами». Потомок двух богатых московских купеческих родов, Ремизовых и Найденовых, москвич по языку и по выговору, Ремизов затем открывал для себя русский Север. За участие в студенческих волнениях его сослали. Шесть лет он провел в Пензе, Вологде и Усть-Сысольске. Изучал фольклор, узнавал монастырскую жизнь. Отсюда вырастает его творчество. Первая книга «Посолонь» — пересказ народных сказок, «Лимонарь» — переложение религиозных преданий и апокрифов. Он «переписывал» жития святых, складывал свои тексты из собственных сновидений («Мартын Задека», «Бедовая доля») и собственную жизнь рассказывал как сказку, превращал ее в миф в «мемуарной» прозе («Подстриженными глазами», «Взвихренная Русь», «Встречи: Петербургский буерак», «Учитель музыки», «Иверень», «Мышкина дудочка» и др.). Даже фамилию свою Ремизов снабдил фантастической этимологией — Ремизов — с ударением на первом слоге, потому что от «ремез», а ремез — колядная птица, «большая певунья: голос невеликий, маленький, только что для детей... И слывет первой у Бога». «Я не романист, я песьельник», — говорил он о себе. И в романах Ремизова («Пруд», «Часы», «Крестовые сестры», «Бедовая доля» и др.) важен прежде всего этот песенный лад, причудливая образность, затейливые метафоры.

Этот с виду чудаковатый маленький человек становился кощунственно дерзок и в прозе, и в жизненных выдумках. Чего стоит хотя бы ремизовское «тайное общество» Обезвелволпал — Обезьянья Великая и Вольная палата. Со своим гимном (*Я тебя не объел, Ты меня не объешь...*), со специальными обезьяньими словами: «ахру» (огонь), «кукха» (влага), «гошку» (еда), с жалованными грамотами, иерархией, титулами и проч. Одиноким, слепой, но продолжавший работать до последних дней, он умирал в Париже, на улице Буало, 7, и горестно восклицал: «И моим пропадом мое слово, музыка весенний воздух, весенняя песня — куда вы уйдете? И никого на земле, кто меня слышал: одни немые кресты на могилах да бескрестые». Слово осталось и пропадом не пропало. И книги, так долго не издаваемые, — изда ны. Осталось — прочесть.

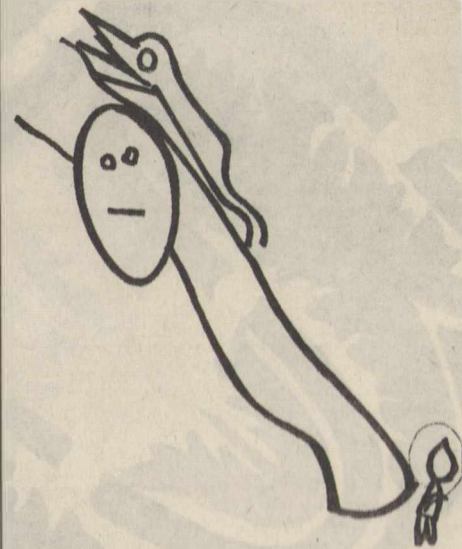

Рисунок Алексея Ремизова. Публикуется впервые